

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «МИТЯНИН И ЛЕОНОВ против РОССИИ»

(жалобы №№ 11436/06 и 22912/06)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

7 мая 2019 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

7 августа 2019 года

Настоящее постановление вступило в силу, но может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Митянин и Леонов против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседавая Палатой в составе:

Винсент Э. Де Газтано, *Председатель,*

Бранко Лубарда,

Хелен Келлер,

Дмитрий Дедов,

Пере Пастор Виланова,

Алина Полачкова,

Мария Элосеги, *судьи,*

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции,*

проведя заседание по делу за закрытыми дверями 26 марта 2019,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании двух жалоб (№№ 11436/06 и 22912/06), поданных в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») двумя гражданами Российской Федерации – Александром Николаевичем Митяниным (далее – «первый заявитель») и Михаилом Николаевичем Леоновым (далее – «второй заявитель») (совместно – «заявители») 1 февраля и 10 мая 2006 года соответственно. Впоследствии, в период с 2006 года по 2013 год, были поданы дополнительные жалобы.

2. Интересы заявителей, которым была предоставлена юридическая помощь, представлял Алексей Николаевич Лаптев, адвокат, практикующих в России. Интересы властей Российской Федерации (далее – «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии – его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. 14 октября 2015 года жалобы на нарушения статей 5, 6 и 8 Конвенции были коммуницированы Властям, а остальная часть жалоб была признана неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявители, 1971 и 1976 годов рождения, соответственно, проживают в п. Харп.

5. Все заявители являлись подсудимыми по одному уголовному делу на внутригосударственном уровне.

А. Митянин

1. Содержание под стражей и уголовное судопроизводство в 2003-2006 годы

6. В июле 2003 года заявитель был задержан в г. Сыктывкаре по подозрению в совершении уголовного преступления. В отношении заявителя была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде. Затем, в неустановленный день он был заключен под стражу. Позже срок его содержания под стражей был продлен. 29 января 2004 года Сыктывкарский городской суд продлил срок его содержания под стражей до 19 февраля 2004 года. 18 февраля 2004 года органы прокуратуры завершили предварительное следствие и передали дело в суд. 10 марта 2004 года Сыктывкарский городской суд продлил срок содержания заявителя под стражей. 21 апреля 2004 года рассматривающий дело судья вернул уголовное дело прокурору и отклонил ходатайство стороны защиты об освобождении из-под стражи, оставив тем самым заявителя в предварительном заключении.

7. Заявителю также было предъявлено обвинение в совершении преступления в г. Иваново. В апреле 2004 года Сыктывкарский городской суд вынес постановление о его заключении под стражу в связи и с этим преступлением.

8. Впоследствии соответствующее разбирательство было продолжено в судах г. Иваново.

9. 3 августа 2004 года Октябрьский районный суд г. Иваново продлил срок содержания заявителя под стражей «на время расследования» (в соответствии со статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса – далее «УПК») до 5 октября 2004 года.

10. 13 сентября 2004 года районный суд назначил предварительное слушание по уголовному делу, а также постановил, что заявитель должен оставаться под стражей в ожидании судебного разбирательства (статья 228 УПК).

11. В декабре 2004 года местная газета опубликовала статью, в которой рассказывалось о соответствующих событиях, а также

указывалось, что подсудимый должен считаться невиновным, пока его вина не будет доказана.

12. Между тем, судя по всему, районный судья вернул дело прокурору, что, по-видимому, повлекло за собой изменение правового основания для содержания заявителя под стражей в ожидании судебного разбирательства (статья 255 УПК) или на время расследования (статья 109 УПК); это, в свою очередь, потребовало пересчета соответствующих периодов содержания под стражей.

13. В частности, 20 декабря 2004 года судья решил вернуть уголовное дело прокурору (статья 237 УПК) и постановил, что заявитель должен оставаться под стражей. Заявитель обжаловал это решение. 14 февраля 2005 года Ивановский областной суд оставил указанное постановление без изменений.

14. 18 февраля 2005 года к прокурору поступили материалы дела.

15. 9 марта 2005 года прокурор подал ходатайство о вынесении нового постановления о заключении под стражу (по-видимому, в соответствии со статьей 109 УПК, поскольку дело опять «находилось в стадии расследования»).

16. 14 марта 2005 года районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 4 июня 2005 года. 24 марта 2005 года областной суд оставил постановление без изменений. Эти судебные постановления были пересмотрены Президиумом областного суда 3 марта 2006 года в порядке надзора. Президиум оставил их без изменений, также указав, что содержание заявителя под стражей в период с октября 2004 года по март 2005 года было законным.

17. Тем временем заявитель подал ходатайство об освобождении. 1 февраля 2006 года районный суд отклонил ходатайство. Заявитель обжаловал это решение. 23 марта 2006 года областной суд заявил, что это постановление обжалованию не подлежит.

18. Тем временем, 20 февраля 2006 года районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 23 мая 2006 года. 23 марта 2006 года областной суд оставил это постановление без изменений.

19. Как следует из материалов дела, в феврале 2006 года суд вновь вернул дело прокурору. Судя по всему, в августе 2006 года дело было вновь передано в суд.

20. 21 декабря 2006 года заявитель был признан виновным в вооруженном ограблении, совершенном группой лиц. 14 июня 2007 года областной суд оставил данное постановление без изменений.

21. Митянин подал гражданский иск о компенсации в соответствии с частью 1 статьи 1070 и статьей 1100 Гражданского кодекса в связи с отсутствием законного постановления суда о его содержании под стражей в период с 20 февраля по 10 марта 2004 года (см. выше). В своем решении от 4 октября 2012 года городской суд постановил, что (i) в течение соответствующего периода дело в отношении заявителя

находилось на рассмотрении суда первой инстанции и что его дальнейшее содержание под стражей было законным; и (ii) в отсутствие какого-либо признака незаконности для присуждения компенсации не было никаких правовых оснований. В нем указывалось следующее:

«Вопрос о содержании под стражей был рассмотрен судом в соответствии с действовавшими в то время нормами. Сотрудники СИЗО не имели никаких юридических оснований для освобождения [заявителя] из-под стражи после 19 февраля 2004 года, в том числе ввиду отсутствия какой-либо информации от прокурора о том, что дело было передано на рассмотрение в городской суд. Следовательно, содержание [заявителя] под стражей в период с 19 февраля по 27 апреля 2004 года было законным. Кроме того, суд принимает во внимание постановление от 21 апреля 2004 года в части, касающейся отклонения ходатайства об освобождении, и решение о продлении срока предварительного заключения. Таким образом, что касается предмета настоящего дела, то нарушения прав или свобод допущено не было (в том числе предусмотренных статьей 5 Конвенции) ... Поскольку содержание под стражей было законным, то законных оснований для компенсации морального вреда не имеется ... »

22. 27 декабря 2012 года Областной суд Коми оставил это решение без изменений.

«Согласно частям 1 и 3 статьи 227 УПК РФ, по поступившему уголовному делу судья принимает решение о направлении уголовного дела по подсудности и о назначении предварительного слушания или судебного заседания. Если дело касается подсудимого, который находится под стражей, то судья должен принять решение в течение четырнадцати дней. В соответствии с частью 3 статьи 228 УПК судья также должен определить, следует ли изменить или отменить меру пресечения ... Из этих норм следует, что как только уголовное дело передается в суд, вопрос о содержании под стражей решается в соответствии со статьей 227 УПК. На момент когда дело было передано в суд, санкционированный срок содержания под стражей еще не истек. Затем вопрос о содержании под стражей был решен судьей в установленные сроки. Таким образом, никаких правовых оснований для присуждения компенсации не имеется.

В соответствии с частью 2 статьи 61 Гражданского процессуального кодекса обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица ... Таким образом, суд принял во внимание, что областной суд Республики Коми в своем постановлении от 25 мая 2012 года (в ответ на ходатайство об освобождении) заявил, что содержание под стражей в период с 19 февраля по 27 апреля 2004 года было законным».

2. Производство по другому уголовному делу и публикация статьи в газете в 2008 году

23. 12 января 2008 года власти г. Сыктывкара возбудили уголовное дело в отношении заявителей и других лиц по статье 210 Уголовного кодекса по факту создания и функционирования «преступного сообщества».

24. В неустановленный день Митянину было предъявлено официальное обвинение в совершении этого преступления.

25. 18 января 2008 года в местной газете была опубликована статья под названием «Боксеры под стражей», в которой указывалось, что в этой области впервые было возбуждено уголовное дело по данной статье Уголовного кодекса, и это дело было возбуждено в отношении известных спортсменов.

26. В статье говорится следующее:

«Это первый случай, когда правоохранительные органы региона предъявили обвинения группе бывших спортсменов, [обвинив] их в руководстве преступным сообществом.

...

Официально все они являются бизнесменами, спортивными меценатами или организаторами различных спортивных мероприятий. Неофициально же, по мнению правоохранительных органов, они являются членами так называемой Логиновской банды, которая была создана во второй половине 1990-х ...

Согласно информации, [опубликованной] пресс-службой ФСБ, члены банды разработали эффективный механизм обеспечения регулярных доходов путем вымогательства у бизнесменов. Те, кто отказывался от сотрудничества, подвергались различным формам давления, таким как поджог предприятий или автомобилей, или насилие ...

Правоохранительные органы работают над делом этой банды уже несколько лет. 12 января 2008 года следственный отдел регионального управления ФСБ возбудил уголовное дело в отношении лидеров и членов банды. Они обвиняются в совершении преступления, предусмотренного статьей 210 Уголовного кодекса («Руководство преступным сообществом»).

Адвокаты говорят, что эта статья Уголовного кодекса применяется редко, потому что доказать деятельность преступного сообщества чрезвычайно трудно. В нашем регионе она применяется впервые ...

Согласно информации, опубликованной пресс-службой регионального отделения ФСБ, еще два лица – [имя и фамилия первого заявителя] и [имя и фамилия второго заявителя] – уже отбывают тюремное заключение за другие преступления. В декабре 2006 года Ивановский районный суд признал их виновными в грабеже. [Фамилия первого заявителя] был приговорен к восьми годам лишения свободы ...

Задержание подозреваемых широко освещалось в СМИ Эжвинского района г. Сыктывкара ... »

27. Эта статья сопровождалась фотографиями задержанных, в том числе заявителя.

28. Митянин подал против газеты судебный иск по статьям 152 и 152.1 Гражданского кодекса (см. пункты 43-45 ниже). По словам заявителя, в статье указывалось, что он являлся активным членом так называемой «Логиновской банды», которая получала доходы от вымогательства и «крышевания» бизнеса, применяя насилие и уничтожая имущество предпринимателей, отказывающихся от

сотрудничества. Заявитель, в том числе, требовал опровержения заявления о том, что он являлся активным членом преступного сообщества, считая это заявление клеветническим. По словам заявителя, автор статьи (который ссылался на официальные источники) подразумевал, что заявитель являлся членом пресловутой «банды» и что поэтому он был виновен в совершении преступления, предусмотренного статьей 210 Уголовного кодекса.

29. Решением от 17 октября 2011 года Сыктывкарский городской суд Республики Коми оставил исковые требования Митянина без удовлетворения. Суд счел, что заявитель не доказал, что содержащаяся в статье информация не соответствует действительности, и что эта информация соответствовала тому факту, что в отношении заявителя ведется уголовное расследование. Для того, чтобы иск о защите чести и достоинства был удовлетворен, необходимо, чтобы были выполнены все следующие условия: (i) информация была передана, по крайней мере, еще одному лицу; (ii) содержание этой информации причинило вред достоинству, чести или деловой репутации заинтересованного лица; и (iii) информация «не соответствует действительности» (то есть она [является] ложной). Суд пришел к выводу, что заявитель не смог доказать ложность оспариваемой информации. Наконец, отметив, что газета не обязана проверять информацию, поступающую из официального источника, суд постановил, что в данном случае присутствует исключение из требования о том, что необходимо получить согласие на публикацию информации, касающейся личной жизни, и фотографий. По мнению суда, как это требуется для того, чтобы сделать законное исключение, дело должно представлять «интерес, касающийся общественной и государственной безопасности», в то время как публикация была направлена на информирование общественности о «возбуждении расследования по уголовному делу».

В постановлении также говорится:

«С одобрения следователя, сотрудник пресс-службы регионального управления Федеральной службы безопасности предоставил ответчику информацию об уголовном расследовании, возбужденном в отношении истца, и о его [причастности] к преступному сообществу ... Следственный орган был заинтересован в получении дополнительной информации, в частности о возможных свидетелях преступлений. В результате ответчику была предоставлена вышеуказанная информация и фотография [заявителя]».

30. Митянин обжаловал решение Сыктывкарского городского суда. 8 декабря 2011 года Областной суд Республики Коми оставил решение без изменений, указав на тот факт, что газета получила оспариваемую информацию из официального источника, сослалась на этот источник в статье и просто изложила эту информацию. Суд апелляционной инстанции указал, что информация являлась достоверной и не

клеветнической, поскольку она «соответствовала информации, [предоставленной] органами предварительного следствия»; было важно информировать общественность о появлении лица в связи с делом, которое освещалось в средствах массовой информации.

31. Между тем, в отдельном деле по иску о защите чести и достоинства заявитель оспорил еще одну статью (очевидно, с аналогичным содержанием), опубликованную в другой газете в апреле 2011 года. В своем заочном решении (то есть без заслушивания сторон) от 7 сентября 2011 года городской суд счел, что ответчик не смог доказать правдивость оспариваемых заявлений; суд присудил Митянину 5 000 рублей в качестве компенсации морального вреда и обязал газету опубликовать опровержение. По всей видимости, данное решение обжаловано не было и вступило в силу. Впоследствии заявитель ссылаясь на решение от 7 сентября 2011 года, вынесенное в рамках уголовного судопроизводства, утверждая, что имело место нарушение презумпции невиновности. Суд отказал в приобщении копии судебного решения к материалам дела, учитывая, в частности, что выводы гражданского суда не имели отношения к определению уголовного обвинения.

32. Как следует из материалов дела, 23 июня 2014 года заявитель был признан виновным в совершении нескольких преступлений (включая убийство и участие в преступном сообществе) и приговорен к пожизненному лишению свободы. Заявитель утверждает, что в апелляционной жалобе он и другие подсудимые привели определенные аргументы, касающиеся вышеупомянутой публикации. 10 июля 2015 года Верховный суд Российской Федерации оставил приговор без изменений.

Б. Леонов

33. 4 декабря 2003 года заявитель был задержан в г. Сыктывкаре по подозрению в совершении грабежа и кражи в г. Сыктывкаре. 5 декабря 2003 г. Сыктывкарский городской суд вынес постановление о его заключении под стражу. 29 января 2004 года срок его содержания под стражей был продлен до 19 февраля 2004 года. В неустановленный день прокурор завершил расследование и передал материалы дела в суд. 21 апреля 2004 года судья вернул дело прокурору и постановил, что мера пресечения в виде содержания под стражей должна оставаться без изменений. 27 апреля 2004 года следователь распорядился освободить заявителя из-под стражи под подписку о невыезде. Однако заявитель освобожден не был.

34. В ходе отдельного разбирательства в марте 2004 года заявителю было предъявлено обвинение в совершении вооруженного ограбления в г. Иваново. 29 апреля 2004 года Ухтинский городской суд

Республики Коми распорядился о содержании заявителя под стражей на время проведения расследования по делу об ограблении. Заявитель не обжаловал это решение.

35. Затем заявитель был переведен в г. Иваново для дальнейшего разбирательства.

36. 24 июня 2004 года срок его содержания под стражей был продлен до 5 августа 2004 года; 3 августа 2004 года срок его содержания под стражей было продлен до 5 октября 2004 года. 7 сентября 2004 года дело было передано в Октябрьский районный суд Ивановской области. 13 сентября 2004 года районный суд постановил продлить срок содержания заявителя под стражей в ожидании суда. Позже судья вернул дело прокурору. В неустановленный день материалы дела были вновь переданы судье. 20 декабря 2004 года районный суд вновь вернул уголовное дело прокурору и, в частности, указал пересмотреть обвинительное заключение. Районный суд также постановил содержать заявителя под стражей до дальнейшего распоряжения прокурора. 14 февраля 2005 года областной суд оставил эти постановления без изменений. В 2005 году срок содержания заявителя под стражей был продлен. В августе 2005 года дело было вновь передано на рассмотрение в районный суд. Как следует из материалов дела, в феврале 2006 года суд вновь вернул дело прокурору. Судя по всему, в августе 2006 года дело было вновь передано в суд.

37. 21 декабря 2006 года заявитель был осужден за совершение ряда преступлений. Затем его перевели в тюрьму в Республике Коми.

38. В 2012 году заявитель подал жалобы на законность его содержания под стражей в период с 19 февраля по 29 апреля 2004 года. Соответствующая прокуратура отказала в приеме заявления. Он оспорил этот отказ в соответствии с главой 25 Гражданского процессуального кодекса (далее «ГПК» – см. пункт 53 ниже) и попросил доставить его в судебное заседание из места содержания под стражей. Сыктывкарский городской суд ответил на ходатайство, указав, что ходатайство будет рассмотрено в ходе слушания дела по существу. Городской суд заслушал ответчика и решением от 24 сентября 2012 года отклонил жалобу заявителя. В своем решении суд указал, что было бы целесообразно рассмотреть дело в отсутствие истца, поскольку действующее законодательство не содержит положений о доставлении истца для участия в судебном слушании. По существу жалобы суд указал, что жалоба заявителя была рассмотрена соответствующим должностным лицом в соответствии с применимой процедурой и что это должностное лицо привело основания для отклонения жалобы. Заявитель обжаловал это решение. 3 декабря 2012 года Областной суд Республики Коми оставил это решение без изменений.

39. Заявитель также подал судебный иск (вновь на основании главы 25 УПК) против начальника соответствующего следственного изолятора, который предположительно содержал его там под стражей незаконно в течение оспариваемого периода. 24 сентября 2012 года тот же судья городского суда заслушал ответчика и оставил исковые требования заявителя без удовлетворения и в этом деле. Перечислив соответствующие положения статьи 5 Конвенции, УПК и ГПК, а также процессуальную сторону уголовного дела (см. пункты 33-34 выше), суд пришел к выводу, что содержание заявителя под стражей в течение оспариваемого периода соответствовало действующему законодательству; что у начальника следственного изолятора не было законных оснований для освобождения заявителя, поскольку он располагал информацией о том, что уголовное дело находилось на рассмотрении в суде первой инстанции. 3 декабря 2012 года областной суд оставил это решение без изменений, указав следующее:

«Суд первой инстанции установил соответствующие обстоятельства и опирался в своем решении на положения УПК. Суд правомерно заключил, что никаких юридических оснований для освобождения заявителя после 19 февраля 2004 года не имелось, учитывая, что у начальника следственного изолятора была информация о том, что уголовное дело было передано в суд. Следовательно, содержание [заявителя] под стражей в период с 19 февраля по 29 апреля 2004 года являлось законным ... Суд правомерно отклонил довод о том, что, не получив постановления о продлении срока содержания под стражей, начальник следственного изолятора должен был освободить [заявителя] после 19 февраля 2004 года ... Часть 2 статьи 255 УПК предусматривает, что срок содержания под стражей до суда не должен превышать шести месяцев, за исключением ситуаций, перечисленных в части 3 ... После этого соответствующий суд может продлить срок содержания под стражей в делах, касающихся тяжких и особо тяжких преступлений ... Таким образом, учитывая, что уголовное дело было передано на рассмотрение в Сыктывкарский городской суд и с учетом постановления от 21 апреля 2004 года (в части, касающейся отклонения ходатайства об освобождении), это постановление следует фактически рассматривать как постановление о продлении срока содержания [заявителя] под стражей на срок, указанный в статье 255 УПК РФ ... »

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

A. Защита личной жизни, репутации и чести

1. Конституция Российской Федерации

40. Статья 23 Конституции защищает неприкосновенность частной жизни, защиту чести и доброго имени.

41. Статья 24 Конституции Российской Федерации запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о личной жизни лица без его согласия.

42. Статья 25 Конституции устанавливает право на неприкосновенность жилища. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации

43. Статья 152 ГК РФ, в редакции, действовавшей на момент рассматриваемых событий, предусматривала, что гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они «соответствуют действительности».

44. Утверждения о фактах или событиях, которые в действительности не имели место во время распространения оспариваемой информации, должны квалифицироваться как «не соответствующие действительности» (согласно пункту 7 Постановления № 3 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 года). Недопустимо квалифицировать как «не соответствующую действительности» информацию, которая содержится в судебных решениях, решениях, принятых органом предварительного следствия, или в других официальных документах, которые могут быть оспорены посредством другой юридической процедуры (там же). Согласно статье 152 Гражданского кодекса, бремя доказательства того, что оспариваемая информация «соответствует действительности», лежит на ответчике. Истец должен доказать, что оспариваемая информация была распространена ответчиком и что эта информация причинила вред репутации истца (Постановление № 3, пункт 9).

45. Статья 152.1 Гражданского кодекса была введена в действие в 2006 году. Она запрещает распространение и использование изображения человека (например, с помощью фотографии или видео) без согласия этого лица. Такое согласие не требуется, в частности, для использования такого изображения в интересах государства или в общественных интересах.

3. Закон «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 года

46. Статья 41 Закона о средствах массовой информации не содержит каких-либо общих правил использования изображения человека в связи с уголовным судопроизводством. Однако в ней

предусматривается, что средствам массовой информации не разрешается разглашать сведения, прямо или косвенно указывающие на личность несовершеннолетнего, совершившего преступление либо подозреваемого в его совершении. Для этого требуется согласие самого несовершеннолетнего и его родителей.

47. Статья 49 Закона предусматривает, что по закону журналист обязан запрашивать согласие заинтересованного лица на распространение информации, касающейся личной жизни этого лица, за исключением случаев, когда «[распространение] необходимо для защиты общественных интересов».

48. В соответствии со статьей 57 Закона, в редакции, действовавшей на момент рассматриваемых событий, редакция или журналист не несут ответственность за распространение информации, которая не соответствует действительности или наносит ущерб репутации или чести или иным образом ущемляет права и законные интересы человека, если такая информация содержалась в ответе на запрос о предоставлении информации или в пресс-релизе государственного органа или другой организации.

4. Закон о персональных данных от 27 июля 2006 года

49. Статья 3 Закона определяет «персональные данные», как любую информацию, относящуюся прямо или косвенно к определенному физическому лицу.

50. Журналист может обрабатывать такие данные без согласия заинтересованного лица в целях его профессиональной деятельности и/или законной деятельности средств массовой информации при условии, что такая обработка не нарушает права человека (статья 6 Закона).

5. Уголовно-процессуальный кодекс

51. Статья 161 УПК предусматривает, что следователь может разрешить раскрытие «информации», касающейся предварительного расследования уголовного дела, если такое раскрытие не препятствует следствию и не нарушает права или законные интересы лиц, участвующих в расследовании. Следователь должен определить степень, в которой информация подлежит раскрытию.

Б. Прочие материалы

52. В 2009 году Пленум Верховного Суда Российской Федерации заявил, что постановление о заключении под стражу, принятое на стадии предварительного следствия, остается в силе и после передачи уголовного дела в суд, но только в течение срока, установленного в

этом постановлении о заключении под стражу (определение № 22 от 29 октября 2009 года, пункт 20).

53. В главе 25 Гражданского процессуального кодекса в редакции, действовавшей на момент рассматриваемых событий, предусматривалась процедура подачи иска об оспаривании действий или бездействия государственных должностных лиц, которые отрицательно сказались на правах или свободах человека. Такой иск может быть подан в течение трех месяцев с даты, когда соответствующее лицо узнало о нарушении его или ее прав или свобод (статья 256 ГПК).

54. Пленум Верховного Суда Российской Федерации счел, что в разных контекстах исков, подаваемых в связи с незаконными действиями судебных приставов, иск о денежной компенсации в соответствии со статьей 1069 Гражданского кодекса не может быть оставлен без удовлетворения только потому, что действия (бездействие) судебного пристава-исполнителя не были признаны незаконными в отдельном судебном производстве; гражданский суд, рассматривающий иск о компенсации, должен оценить законность в деле по иску о компенсации (постановление № 50 от 17 ноября 2015 года, пункт 82). Неясно, предусмотрен ли аналогичный подход к искам, подаваемым на основании части 1 статьи 1070 Гражданского кодекса в совокупности со статьей 1100, касающимся содержания под стражей в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом, в частности в отношении ситуации, упомянутой в пункте 52 выше (см. Определение Конституционного суда Российской Федерации № 1049-О от 2 июля 2013 года и кассационное определение Пермского краевого суда № 33-1335 от 14 февраля 2011 года).

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ В ОДНО ПРОИЗВОДСТВО

55. Принимая во внимание схожие обстоятельства дел и правовую основу данных жалоб, Европейский Суд принимает решение объединить их в соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

56. Первый заявитель Митянин, ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, жаловался на то, что его содержание под стражей с

20 февраля по 10 марта 2004 года являлось незаконным. Он также утверждал, что его содержание под стражей в период с 5 октября 2004 года по 14 марта 2005 года было незаконным, и что эта незаконность, в свою очередь, отрицательно повлияла на законность соответствующих расчетов, сделанных в соответствии со статьями 109 и 255 УПК, касающихся последующего периода его содержания под стражей до июня 2005 года (см. постановление Суда от 18 июня 2009 года по делу «Штейн против России» (*Shteyn (Stein) v. Russia*), жалоба № 23691/06, пункты 89-95).

57. Второй заявитель Леонов, ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, жаловался на то, что его содержание под стражей с 20 февраля по 29 апреля 2004 года являлось незаконным.

58. Пункт 1 статьи 5 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(в) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения ...»

А. Доводы сторон

1. Власти

59. Власти утверждали, что первый заявитель не содержался под стражей до 29 апреля 2004 года и что он впервые поднял вышеупомянутые вопросы, касающиеся его содержания под стражей, в формуляре жалобы от 13 июня 2006 года. Жалобы, относящиеся к периоду с февраля по март 2004 года, были поданы в Суд 11 сентября 2013 года, а соответствующее разбирательство на внутригосударственном уровне завершилось 27 декабря 2012 года. Власти также утверждали, что по состоянию на 2006 год заявитель еще не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты в отношении этого периода.

60. Что касается второго заявителя, то Власти признали нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции. В своих дальнейших замечаниях власти Российской Федерации поддерживали свою позицию по существу и подняли вопрос о приемлемости жалобы, утверждая, что заявитель должен был подать жалобу в течение шести месяцев после окончания обжалуемой ситуации. Средства правовой защиты, которые он использовал, не должны были приниматься во внимание. В частности, гражданский иск о компенсации морального вреда, причиненного в

результате незаконного содержания под стражей, не подлежал ограничению во времени и был подан заявителем спустя несколько лет после окончания обжалуемой ситуации (они ссылаются на решение Суда от 5 февраля 2013 года по делу «Норкин против России» (*Norkin v. Russia*), жалоба № 21056/11, пункт 15).

2. Заявители

61. Первый заявитель утверждал, что доводы Властей фактически являются неверными и что он не нарушил правило шести месяцев.

62. Второй заявитель утверждал, что в силу правила 55 Регламента Суда Власти не могут впервые поднять вопрос о приемлемости жалобы в своих дальнейших замечаниях, представленных в ответ на замечания заявителя. Получив возможность прокомментировать дальнейшие доводы Властей, заявитель в частности утверждал, со ссылкой на принцип субсидиарности, что было бы целесообразно предоставить национальным властям возможность исправить предполагаемое нарушение, что заявитель и сделал, не проконсультировавшись при этом с юристом. А именно, он безрезультатно просил суд, рассматривавший его уголовное дело, вынести частное определение в соответствии со статьей 226 Уголовно-процессуального кодекса. Позже, в 2012 году, он подал жалобу в прокуратуру, а затем оспорил ее решение в порядке судебного пересмотра (см. пункт 38 выше). Наконец, он подал гражданский иск против следственного изолятора в связи с предположительно незаконным отказом освободить его из-под стражи, и моральным вредом, причиненным этим отказом (см. пункт 39 выше). Этот порядок действий имел разумные шансы на успех, поскольку в соответствии с Законом о содержании под стражей начальник следственного изолятора имел четкую обязанность освободить его, поскольку им не было получено никакого решения суда, санкционирующего или продлевающего срок содержания заявителя под стражей. По этому иску заявителя было вынесено решение по существу.

63. Заявители также утверждали, что подход, принятый Судом в решении по делу «Норкин против России», конкретно касался структурной проблемы, связанной с отсутствием эффективных средств правовой защиты в отношении условий содержания под стражей. Суд никогда не приходил к подобным выводам в отношении вопросов, возникающих в связи с пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Более того, решение по делу «Норкин против России» было основано на предыдущих выводах Суда (в частности, в отношении статьи 13 Конвенции). В отношении пункта 1 статьи 5 Конвенции аналогичные выводы сделаны не были. Напротив, Суд в целом использовал гибкий подход к вопросу об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении жалоб такого типа и признал ряд

решений внутригосударственных судов для целей пункта 1 статьи 35 Конвенции (см., в частности, по вопросу о гражданском иске о компенсации вреда постановление Суда от 19 июля 2007 года по делу «Трепашкин против России» (*Trepashkin v. Russia*), жалоба № 36898/03, пункт 66; постановление Суда от 11 декабря 2008 года по делу «Шулепова против России» (*Shulepova v. Russia*), жалоба № 34449/03, пункты 1, 15-27 и 36, и постановление Суда от 25 октября 2005 года по делу «Федотов против России» (*Fedotov v. Russia*), жалоба № 5140/02, пункты 1, 15-20 и 31-35, по вопросу от судебных разбирательствах против начальника следственного изолятора см. постановление Суда от 13 марта 2014 года по делу «Старокадомский против России (№ 2)» (*Starokadomskiy v. Russia (no. 2)*), жалоба № 27455/06, пункты 1, 32 и 39-40).

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

- (а) Содержание первого заявителя под стражей в период с октября 2004 года по март 2005 года и в период с марта по июнь 2005 года

64. Что касается содержания Митянина под стражей в период с 5 октября 2004 года по 14 марта 2005 года, а затем по 4 июня 2005 года, то Суд считает, что внутригосударственные суды действовали в рамках своих полномочий при принятии решений, и нет никаких оснований предполагать, что они были недействительными или незаконными согласно внутригосударственному законодательству (сравните с постановлением Суда от 14 октября 2010 года по делу «А.Б. против России» (*A.B. v. Russia*), жалоба № 1439/06, пункты 153-59, и постановление Суда от 28 июня 2011 года по делу «Миминошвили против России» (*Miminoshvili v. Russia*), жалоба № 20197/03, пункты 70-74). Следовательно, данная жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

- (b) Содержание заявителей под стражей в начале 2004 года

65. Суд не видит необходимости в рассмотрении вопроса о том, могут ли Власти представить возражение о правиле шести месяцев в отношении содержания второго заявителя под стражей, поскольку в любом случае он считает, что этот вопрос подпадает под юрисдикцию Суда и он может рассмотреть его по собственной инициативе (см. постановление Большой Палаты по делу «Белане Наги против Венгрии» (*Béláné Nagy v. Hungary*), жалоба № 53080/13, пункт 71, ECHR 2016, относительно совместимости жалобы *ratione materiae*) – в данном случае с учетом доводов обеих сторон.

66. В 2013 году оба заявителя подали в Европейский Суд жалобы на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с их содержанием под стражей в начале 2004 года, а именно на то, что в то время не имелось никаких действительных судебных решений, санкционирующих их дальнейшее содержание под стражей в течение этого периода.

67. Прежде всего, нет никаких оснований сомневаться в том, что заявители были лишены свободы в течение соответствующих периодов.

68. Что касается первого заявителя (Митянин), то оспариваемый период содержания под стражей продолжался с 20 февраля до 10 марта 2004 года; соответствующее производство на внутригосударственном уровне завершилось 27 декабря 2012 года, и первый заявитель подал жалобу в Европейский Суд в своем письме от 26 июня 2013 года (см. пункт 21 выше).

69. Что касается второго заявителя (Леонов), то оспариваемый период содержания под стражей продолжался с 19 февраля до 29 апреля 2004 года; соответствующее производство на внутригосударственном уровне завершилось 3 декабря 2012 года, и второй заявитель подал жалобу в Европейский Суд в своем 7 мая 2013 года (см. пункты 38 и 39 выше).

70. В ходе гражданского судопроизводства в 2012 году Митянин попросил суд оценить законность периода его содержания под стражей с 20 февраля по 10 марта 2004 года и присудить ему компенсацию морального вреда, причиненного незаконным лишением свободы (см. пункт 21 выше). Гражданский суд не отклонил иск Митянина по каким-либо процессуальным основаниям. Напротив, он рассмотрел вопрос о законности этого периода содержания под стражей, а затем оставил соответствующий иск о денежной компенсации без удовлетворения.

71. Что касается Леонова, который подал иск на основании главы 25 УПК против начальника следственного изолятора, в котором он содержался, то суд установил, что начальник следственного изолятора знал, что уголовное дело в отношении заявителя находилось на рассмотрении в суде первой инстанции. Он пришел к выводу, что содержание Леонова под стражей отвечало требованиям действующего законодательства.

72. Суд повторяет, что пункт 1 статьи 35 Конвенции позволяет принимать во внимание только те средства правовой защиты, которые являются нормальными и эффективными, поскольку заявитель не может продлить строго установленный Конвенцией срок, пытаясь подать неуместные или ошибочные жалобы в органы или учреждения, которые не обладают полномочиями или компетенцией для предоставления эффективного возмещения по жалобе на нарушение

Конвенции (см. постановление Большой Палаты от 19 декабря 2017 года по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии» (*Lopes de Sousa Fernandes v. Portugal*), жалоба № 56080/13, пункты 130-32). Из этого следует, что если заявитель прибегает к средствам правовой защиты, которые с самого начала обречены на провал, то решение по этой апелляции не может учитываться в целях подсчета шестимесячного срока (там же; см. также постановление Большой Палаты от 5 июля 2016 года по делу «Йероновичс против Латвии» (*Jeronovičs v. Latvia*), жалоба № 44898/10, пункт 75). Однако, к примеру, течение шестимесячного срока может начинаться с даты вынесения решения в результате использования чрезвычайного средства правовой защиты (например, потому что оно не было доступно напрямую), когда, в действительности, соответствующий суд принял дело к рассмотрению и имел возможность при необходимости отменить оспариваемое постановление и передать дело в нижестоящий суд и, следовательно, исправить ситуацию, на которую жалуется заявитель (см. постановление Большой Палаты по делу «Озтюрк против Турции» (*Öztürk v. Turkey*), жалоба № 22479/93, пункты 45-46, ECHR 1999-VI; см. также решение Суда от 1 февраля 2005 года по делу «Райчинов против Болгарии» (*Raichinov v. Bulgaria*), жалоба № 47579/99).

73. В отношении обоих этих периодов содержания под стражей соответствующие заявители использовали средство правовой защиты, которое они не обязаны были использовать для исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, и в отношении обоих периодов содержания под стражей внутригосударственные суды вынесли первое решение о том, что содержание под стражей в течение рассматриваемых периодов являлось законным (см. пункты 21 и 39 выше). Не было никаких предположений, и не имеется никаких признаков того, что разбирательство не имело никаких шансов на успех или не могло обеспечить возмещение вреда. Таким образом, в конкретных обстоятельствах настоящего дела они должны приниматься во внимание в целях решения вопроса о соблюдении заявителями правила шести месяцев согласно пункту 1 статьи 35 Конвенции. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд не усмотрел необходимости в рассмотрении вопроса о том, заходила ли речь о законности содержания под стражей в рамках первого судебного разбирательства по главе 25 (см. пункт 38 выше).

74. Следовательно, в обстоятельствах настоящего дела заявители выполнили правило шести месяцев в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции, направив соответствующие жалобы в Суд 7 мая и 26 июня 2013 года, т.е. в течение шести месяцев после вынесения постановления судом апелляционной инстанции 3 и 27 декабря 2012 года соответственно.

75. Суд также отклоняет как необоснованное утверждение Властей о неисчерпании средств правовой защиты, поскольку они не указали, какие (другие) средства правовой защиты были доступны заявителям и могли обеспечить адекватное возмещение, и, следовательно, подлежали исчерпанию.

76. Суд считает, что жалобы заявителей не являются явно необоснованными по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Иных оснований для признания их неприемлемыми не установлено. Следовательно, они должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо жалоб

77. Суд отмечает, что 29 января 2004 года Сыктывкарский городской суд продлил срок содержания Митянина под стражей до 19 февраля 2004 года. 18 февраля 2004 года органы прокуратуры завершили предварительное следствие и передали дело в суд. Лишь 10 марта 2004 года городской суд вынес новое постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей. Впоследствии его иск о компенсации в связи с отсутствием какого-либо действительного судебного постановления о содержании под стражей в период с 20 февраля по 10 марта 2004 года был оставлен без удовлетворения. Суды сочли, что в течение этого периода дело в отношении первого заявителя находилось на рассмотрении в суде первой инстанции и что его дальнейшее содержание под стражей являлось законным. Что касается жалобы Леонова на его содержание под стражей с 20 февраля по 29 апреля 2004 года, то Европейский Суд отмечает, что из имеющихся материалов не следует, что после истечения срока действия постановления о заключении под стражу 19 февраля 2004 года, его содержание под стражей было законно продлено как минимум до 21 апреля 2004 года, когда Ухтинский городской суд Республики Коми санкционировал его содержание под стражей на период расследования. Принимая во внимание прецедентное право по этому вопросу (см., среди прочих, постановление Суда по делу «Худойоров против России» (*Khudoyorov v. Russia*), жалоба № 6847/02, пункты 144–51, ECHR 2005-X (извлечения) и постановление Суда от 25 октября 2007 года по делу «Лебедев против России» (*Lebedev v. Russia*), жалоба № 4493/04, пункты 55–59), Суд приходит к выводу, что в деле имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием Митянина под стражей с 20 февраля по 10 марта 2004 года и содержания Леонова под стражей с 20 февраля до 21 апреля 2004 года.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПУНКТОВ 3 И 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

78. Заявители утверждали о нарушении пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с их содержанием под стражей, поскольку внутригосударственные органы власти не проявили усердия при проведении уголовного разбирательства; это привело к их осуждению в декабре 2006 года. Первый заявитель также жаловался на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с отказом в рассмотрении его кассационной жалобы на постановление суда от 1 февраля 2006 года об отклонении его ходатайства об освобождении (см. пункт 17 выше).

79. Суд считает, что данные жалобы не являются явно необоснованными по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Иных оснований для признания их неприемлемыми не установлено. Следовательно, они должны быть признаны приемлемыми.

80. Власти признали нарушения в отношении первого заявителя. Что касается второго заявителя, то Суд отмечает, что в своих замечаниях Власти прямо признали нарушение. Тем не менее, в своем последнем заявлении в этих замечаниях они утверждали, что «нарушения» пункта 3 статьи 5 Конвенции «допущено не было». Принимая во внимание тот факт, что ситуация второго заявителя была идентична ситуации первого заявителя, и учитывая недвусмысленную позицию Властей в отношении него, Суд считает, что в последнем заявлении относительно второго заявителя содержалась опечатка.

81. В соответствии с прочно сложившейся прецедентной практикой Суда в отношении пункта 3 статьи 5, если основания, приведенные судебными властями для оправдания продолжающегося лишения свободы, являются уместными и достаточными, то следует рассмотреть вопрос о том, проявили ли национальные органы власти «особую тщательность» при проведении разбирательства (см. в качестве недавнего прецедента, постановление Большой Палаты по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (*Buzadji v. the Republic of Moldova*), жалоба № 23755/07, пункт 87, ECHR 2016 (извлечения)). Фактически, это было основным пунктом жалобы заявителей в Суд. Из материалов дела не следует, что национальные суды приняли во внимание соответствующие аргументы. Отмечая признание Властями нарушения и темпы разбирательства (в частности, различные упущения в период с января 2004 года по декабрь 2006 года (в деле первого заявителя) и с декабря 2003 года и декабрь 2006 года (в деле второго заявителя), в результате чего дело было возвращено прокурору и что препятствовало рассмотрению обвинения судом первой инстанции), Суд приходит к выводу, что в настоящем деле имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в отношении

каждого заявителя (см. также, *mutatis mutandis*, постановление Суда от 24 мая 2007 года по делу «Радчиков против России» (*Radchikov v. Russia*), жалоба № 65582/01, пункт 50).

82. Пункт 4 статьи 5 не обязывает Договаривающиеся Стороны устанавливать второй уровень юрисдикции для рассмотрения правомерности содержания под стражей. Однако, если внутригосударственным правом предусмотрена система апелляционного обжалования, апелляционный орган также должен соблюдать требования пункта 4 статьи 5 (см. упоминаемое выше постановление по делу «Лебедев против России», пункт 96). Принимая во внимание признание Властями нарушения, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с отказом в рассмотрении жалобы первого заявителя на постановление суда от 1 февраля 2006 года об отклонении его ходатайства об освобождении (аналогичную мотивировку см. в постановлении Суда от 22 декабря 2009 года по делу «Макаренко против России» (*Makarenko v. Russia*), жалоба № 5962/03, пункты 122-25, постановлении Суда от 12 июня 2014 года по делу «Чуприков против России» (*Chuprikov v. Russia*), жалоба № 17504/07, пункты 82-87, и в постановлении Суда от 5 января 2016 года по делу «Манеров против России» (*Manerov v. Russia*), жалоба № 49848/10, пункты 35-38).

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 5 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

83. Ссылаясь на пункт 5 статьи 5 Конвенции, заявители жаловались на то, что решения внутригосударственных судов, вынесенные в 2012 году, отрицательно повлияли на их право на компенсацию в связи с их незаконным содержанием под стражей в начале 2004 года в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

84. Пункт 5 статьи 5 гласит:

«5. Каждый, кто стал жертвой ареста или задержания в нарушение положений данной Статьи, будет иметь право на компенсацию, защищенное иском».

A. Приемлемость жалобы

85. Суд напоминает, что для соблюдения требований пункта 5 статьи 5 Конвенции необходимо, чтобы имелась возможность требовать компенсацию за лишение свободы, осуществленного в условиях, противоречащих пунктам 1, 2, 3 или 4 (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Станев против Болгарии» (*Stanev v. Bulgaria*), жалоба № 36760/06, пункт 182, ECHR 2012). Таким образом, право на компенсацию, предусмотренное

пунктом 5, предполагает, что внутригосударственный орган власти или Суд установил нарушение одного из других пунктов (там же).

86. В своих замечаниях, представленных в 2016 году, заявители также (впервые) утверждали о нарушении пункта 5 статьи 5 Конвенции в совокупности с пунктом 3 статьи 5 в связи с периодом содержания под стражей, который завершился в декабре 2006 года. Действительно, Суд установил нарушение пункта 3 статьи 5 (см. выше). Тем не менее, следует отметить, что вопрос о праве на компенсацию в этом отношении не был затронут в поданной в Суд жалобе и не входил в число вопросов, коммуницированных Властям государства-ответчика. Также не имеется никаких оснований для того, чтобы истолковывать замечания Властей, как признание нарушения пункта 5 статьи 5 Конвенции в отношении пункта 3 статьи 5, как они были истолкованы заявителями. Соответственно, эта жалоба была подана с нарушением срока и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

87. Что касается пункта 5 статьи 5 и содержания Митянина под стражей в период с 20 февраля по 10 марта 2004 года и содержания Леонова под стражей в период с 20 февраля по 21 апреля 2004 года, то Суд считает, что соответствующая жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Никаких иных оснований для признания жалобы неприемлемой установлено не было. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

88. Принимая во внимание свое прецедентное право по этому вопросу (см., среди прочих, постановление Суда от 28 октября 2010 года по делу «Борис Попов против России» (*Boris Popov v. Russia*), жалоба № 23284/04, пункты 84–86), Суд приходит к выводу, что в деле имело место нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием Митянина под стражей в период с 20 февраля по 10 марта 2004 года и содержанием Леонова под стражей в период с 20 февраля до 21 апреля 2004 года.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

89. Второй заявитель утверждал, что было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с его отсутствием на слушаниях по его гражданским делам, по итогам которых были вынесены решения от 24 сентября 2012 года, которые были оставлены без

изменения в порядке апелляционного рассмотрения 3 декабря 2012 года (см. пункты 38-39 выше).

90. Пункт 1 статьи 6 Конвенции в части, относящейся к настоящему делу, гласит:

«Каждый, в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ... имеет право на справедливое... разбирательство дела ... судом ...»

91. Власти утверждали, что жалоба была подана с опозданием в той части, в которой она касается слушаний, проведенных 24 сентября 2012 года, и что в отношении слушаний, проведенных 3 декабря 2012 года, было допущено нарушение статьи 6.

92. В отношении жалобы по статье 6 Конвенции заявитель утверждал, что приемлемость любой жалобы (включая соблюдение правила шести месяцев) должна оцениваться с учетом этих разбирательств в целом. Таким образом, при определении даты начала шестимесячного срока было уместно принять во внимание апелляционное постановление от 3 декабря 2012 года.

93. Суд согласился с заявителем. Суд также считает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Никаких иных оснований для признания жалобы неприемлемой установлено не было. По этой причине Суд признает жалобу приемлемой.

94. Отмечая схожесть некоторых существенных фактических и правовых вопросов в настоящем деле с вопросами, подробно рассмотренными Судом в постановлении от 16 февраля 2016 года по делу «Евдокимов и другие против России» (*Yevdokimov and Others v. Russia*), жалобы №№ 27236/05 и 10 других жалоб, пункты 49-53, а также принимая во внимание признание Властей, Суд приходит к выводу, что в настоящем деле имели место нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении каждого из двух возбужденных вторым заявителем разбирательств, взятых в целом.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 6 И СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ.

95. Первый заявитель жаловался на содержание газетной статьи от 18 января 2008 года и сопутствующую публикацию его фотографии, утверждая, что она нарушила презумпцию невиновности. Он также по сути жаловался на то, что вышеупомянутые факты представляли собой непропорциональное вмешательство в его личную жизнь в связи с прекращением дела по его иску о защите чести и достоинства, поданному против газеты.

96. Пункт 2 статьи 6 Конвенции гласит:

«2. «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена в законном порядке».

97. Статья 8 Конвенции предусматривает:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны государственного органа власти в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. Доводы сторон

1. Первый заявитель

98. В отношении жалобы на нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции заявитель утверждал, что заявления, содержащиеся в вышеупомянутой статье и подтверждающие его членство в преступном сообществе (что является преступлением согласно статье 210 Уголовного кодекса), были сделаны государственным должностным лицом и представляли собой подтверждение его вины в совершении этого преступления. Более того, в настоящем деле гражданские суды не выполнили своего позитивного обязательства по соблюдению презумпции невиновности заявителя с учетом нарушения презумпции невиновности со стороны газеты. Заявитель утверждал, что другие подсудимые по уголовному делу поднимали вопрос об оспариваемой статье и о других статьях в апелляционной жалобе на приговор от 23 июня 2014 года, которым он был признан виновным в совершении нескольких преступлений.

99. Что касается статьи 8 Конвенции, то заявитель утверждал, что оспариваемая статья, публикация его фотографии и прекращение его гражданского дела против нее представляли собой непропорциональное «вмешательство» в его личную жизнь. Он также отметил, что информация, приведенная журналистом в его статье, была предоставлена региональным отделением ФСБ; тем самым государственный орган назвал заявителя «членом банды», что отрицательно сказалось на его репутации. В ходе гражданского производства по делу, возбужденному по иску Леонова в 2013 году, было подтверждено, что фотографии были предоставлены газете Федеральной службой безопасности. Заявитель пришел к выводу, что «вмешательство» в его личную жизнь не преследовало законной цели и было непропорциональным.

2. Власти

100. Власти утверждали, что оспариваемая статья содержала правдивую информацию, что было подтверждено предварительным следствием, а именно, что в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по факту совершения преступления, предусмотренного статьей 210 Уголовного кодекса. В статье просто указывалось, что заявитель подозревается в участии в преступном сообществе. В соответствии с Законом о СМИ 1991 года ни газета, ни ее редактор, ни автор статьи не могут быть привлечены к ответственности за распространение клеветнической или ложной информации или заявлений, содержащихся в официальном документе или пресс-релизе.

101. Согласно статье 152.1 Гражданского кодекса, публикация фотографии человека является законной даже в отсутствие согласия этого лица, если это необходимо для достижения общественных интересов, таких как необходимость выявления и устранения угрозы для общества или окружающей среды, или в интересах общественной безопасности. Определенная информация о заявителе затрагивала вопросы государственной и общественной безопасности. Важно было проинформировать общественность о наружности заявителя.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

(а) Пункт 2 статьи 6 Конвенции

102. Поскольку ответственность за нарушение презумпции невиновности в отношении заявителя может быть возложено на государство в связи с официальным заявлением, на которое ссылалась (дословно или в перефразированном виде) газета в статье от 18 января 2008 года, Суд отмечает, что стороны не оспаривают тот факт, что статья была основана на официальной информации, предоставленной региональным отделением ФСБ. Ничто не указывает на то, что оспариваемая часть статьи (в которой заявитель был представлен как «член банды») представляла собой дословное воспроизведение (или иное прямое цитирование) какой-либо части этой официальной информации. Другими словами, даже признав, что оспариваемая формулировка могла создать впечатление утвердительного заявления о вине заявителя по обвинению в членстве в преступном сообществе, имеющиеся материалы не подтверждают, что именно государство должно нести ответственность по пункту 2 статьи 6. Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

103. Далее заявитель утверждал, что государственные должностные лица, а также (как в настоящем деле) газеты и журналисты, должны уважать презумпцию невиновности, особенно когда они передают официальную информацию; он также утверждал, что в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Конвенции государство обязано обеспечить защиту этой презумпции от нарушений со стороны средств массовой информации. Суд отмечает, что эта аргументация не была включена в иск заявителя о защите чести и достоинства, поданный против газеты на основании статей 152 и 152.1 Гражданского кодекса, окончательное решение по которому было вынесено в декабре 2011 года. Стороны не утверждали, что российское законодательство предоставляло заявителю какое-либо конкретное средство правовой защиты в этом плане или что он использовал его. У Суда нет оснований полагать, что в этой ситуации постановка этого вопроса в ходе уголовного судопроизводства и во время обжалования приговора была уместным или эффективным средством правовой защиты. Настоящая жалоба была подана в мае 2012 года, а указанное в жалобе событие имело место 18 января 2008 года. Таким образом, вышеупомянутое разбирательство не имеет отношения к настоящему делу для целей правила о шестимесячном сроке, и поэтому данная жалоба была подана с опозданием и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

(б) Статья 8 Конвенции

104. Ни в ходе разбирательств на внутригосударственном уровне, ни в формуляре жалобы или в представленных в Суд замечаниях, заявитель не подает отдельной жалобы и не приводит конкретных аргументов по статье 8 Конвенции (например, в отношении законности или соразмерности) в отношении какого-либо «вмешательства» «государственного органа» в связи с тем, что государственное должностное лицо предоставило газете фотографию заявителя или любую информацию, относящуюся к сфере его «личной жизни» (см. пункты 28-30 и 99 выше; сравните с постановлением Суда по делу «Шиакка против Италии» (*Sciacca v. Italy*), жалоба № 50774/99, пункты 26-31, ECHR 2005-I). У Суда недостаточно материалов для того, чтобы уточнить происхождение фотографии или подтвердить, что статья содержала какие-либо цитаты заявлений какого-либо государственного должностного лица (см. также пункт 102 выше).

105. Таким образом, в той мере, в которой это было подтверждено, Суд полагает, что жалоба заявителя в Европейский Суд ограничивается отказом внутригосударственных судов в рассмотрении его иска о защите чести и достоинства против газеты. В делах, схожих с настоящим делом, вопрос заключается не в действии государства, а в предполагаемой недостаточности защиты, обеспеченной

внутригосударственными судами личной жизни заявителей. Несмотря на то, что важной целью статьи 8 является защита человека от произвольного вмешательства со стороны государственных органов, она не просто требует от государства воздерживаться от такого вмешательства: в дополнение к этому негативному обязательству могут существовать позитивные обязательства, присущие эффективному уважению частной или семейной жизни. Эти обязательства могут включать принятие мер, направленных на обеспечение уважения личной жизни, даже в сфере взаимоотношений между людьми (см. постановление Большой Палаты по делу «Вон Ганновер против Германии (№ 2)» (*Von Hannover v. Germany (no. 2)*), жалобы №№ 40660/08 и 60641/08, пункт 98, ECHR 2012). Это также относится к защите фотографии человека от злоупотреблений со стороны других лиц (там же).

106. Что касается данного аспекта дела, то Суд полагает, что данная часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Никаких иных оснований для признания жалобы неприемлемой установлено не было. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

Статья 8 Конвенции

(i) Общие принципы

107. Суд напоминает, что в соответствии со статьей 8 Конвенции государство может иметь положительное обязательство защищать «личную жизнь» лиц, в отношении которых ведется уголовное производство (см. постановление Суда от 17 июля 2003 года по делу «Кракси против Италии (№ 2)» (*Craxi v. Italy (no. 2)*), жалоба № 25337/94, пункты 63-64; постановление Суда от 9 апреля 2009 года по делу «А. против Норвегии» (*A. v. Norway*), жалоба № 28070/06, пункты 65-75; и постановление Суда от 16 апреля 2009 года по делу «Эгеланн и Хансейд против Норвегии» (*Egeland and Hanseid v. Norway*), жалоба № 34438/04, пункт 53).

108. Стандарты, выработанные в делах, касающихся статьи 10 Конвенции, применяются, когда дело (как настоящее дело), возбуждается «жертвой» свободы слова, чьи права, гарантированные статьей 8, были нарушены. Что касается дел, в которых утверждается о нарушении прав, гарантированных статьей 8, и предполагаемое вмешательство в эти права является результатом свободы выражения, то Европейский Суд уже устанавливал, что предоставляемая государством защита должна пониматься как защита с учетом его обязательств по статье 10 Конвенции. В делах, касающихся газетной

статьи, защита личной жизни должна быть поставлена на разные чаши, в частности, со свободой выражения мнения, гарантированной статьей 10 Конвенции (см. постановление Суда от 16 июля 2013 года по делу «Вегржиновский и Смолчевский против Польши» (*Węgrzynowski and Smolczewski v. Poland*), жалоба 33846/07, пункты 56-58, с дальнейшими ссылками). В принципе, права, гарантируемые этими положениями, заслуживают равного уважения, и результат не должен в принципе отличаться в зависимости от того, подана ли жалоба на основании статьи 10 или статьи 8 Конвенции. Следовательно, пределы усмотрения должны совпадать с любой цитируемой статьей (см. постановление Большой Палаты от 7 февраля 2012 года по делу «Аксель Спрингер АГ против Германии» (*Axel Springer AG v. Germany*), жалоба № 39954/08, пункт 87, и упоминаемое выше постановление по делу «Фон Ганновер против Германии (№ 2)», пункт 106). «Если установление баланса между этими двумя правами осуществлено национальными органами власти в соответствии с критериями, изложенными в прецедентном праве Европейского Суда, то Суду потребуются веские причины для подмены мнения внутригосударственных судов собственным мнением. Иными словами, Суд предоставляет государству широкие пределы свободы усмотрения, когда государство должно установить справедливый баланс между конкурирующими частными интересами или конкурирующими конвенционными правами (см. постановление Суда от 17 мая 2016 года по делу «Фюрст-Пфайфер против Австрии» (*Fürst-Pfeifer v. Austria*), жалобы №№ 33677/10 и 52340/10, пункты 40-42).

109. Суд также повторяет, что пресса, как правило, должна иметь право добросовестно ссылаться на содержание официальных сообщений без необходимости проведения независимых исследований (см. постановление Большой Палаты по делу «Бладет Тромсо и Стенсаас против Норвегии» (*Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*), жалоба № 21980/93, пункты 68 и 72, ECHR 1999-III, и постановление Суда по делу «Коломбани и другие против Франции» (*Colombani and Others v. France*), жалоба № 51279/99, пункт 65, ECHR 2002-V). Это означает, что журналисты должны иметь возможность сообщать о событиях на основании информации, полученной из официальных источников, без проведения дополнительной проверки достоверности фактов, представленных в официальном документе (см. постановление Суда от 16 ноября 2004 года по делу «Селисто против Финляндии» (*Selistö v. Finland*), жалоба № 56767/00, пункт 60, что подтверждается в постановлении Суда от 2 октября 2012 года по делу «Ерданова и Тошев против Болгарии» (*Yordanova and Toshev v. Bulgaria*), жалоба № 5126/05, пункт 51, в котором Суд также указал, что журналист не «представила утверждения как свои собственные»). Недавно Суд применил этот подход к информации, предоставленной в устной

форме государственным обвинителем, отвечающим за связь органов прокуратуры с прессой, что послужило достаточной фактической основой для статьи, которая была «основана» на этой информации (см. упоминаемое выше постановление по делу «Аксель Спрингер АГ против Германии», пункт 105).

110. Что касается использования фотографии, то Суд счел, что если фотография, опубликованная в контексте сообщения о ведущемся уголовном процессе, сама по себе не имеет информационной ценности, то должны иметься веские основания для оправдания вмешательства в право подсудимого на уважение его личной жизни (см. постановление Суда от 23 октября 2008 года по делу «Хужин и другие против России» (*Khuzhin and Others v. Russia*), жалоба № 13470/02, пункт 117). В случае публикации фотографии следует принимать во внимание следующие элементы: положение заявителя, положение газеты, а также характер и предмет рассматриваемой статьи (см. постановление Европейского Суда от 14 декабря 2006 года по делу «Ферлагсгруппе Ньос ГмбХ против Австрии (№ 2)» (*Verlagsgruppe News GmbH v. Austria (no. 2)*), жалоба № 10520/02, пункт 34, и постановление Суда по делу «Ньос Ферлагс ГмбХ и Ко.КГ против Австрии» (*News Verlags GmbH & Co. KG v. Austria*), жалоба № 31457/96, пункт 58, ECHR 2000-I, в которых Суд установил нарушение статьи 10 Конвенции).

(ii) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

111. Прежде всего, Суд отмечает, что заявитель не привел никаких конкретных аргументов в пользу того, что рассмотрение его иска о защите чести достоинства, поданного против газеты, было осуществлено не «в соответствии с законом». В рассматриваемом Судом деле основной вопрос заключается в том, обеспечили ли внутригосударственные суды надлежащий баланс между его правами и правами газеты.

112. Далее, Суд повторяет, что для того чтобы задействовать статью 8, посягательство на репутацию или честь должен достигнуть определенного уровня, и характер такого посягательства должен оказать отрицательное воздействие на его пользование правом на уважение личной жизни (см. постановление Большой Палаты по делу «Бедат против Швейцарии» (*Bédât v. Switzerland*), жалоба № 56925/08, пункт 72, ECHR 2016). Стороны не оспаривают тот факт, что публикация фотографии заявителя вместе с утверждением о его преступном поведении, в котором ему приписывается модель соответствующих преступных действий, достигает необходимого уровня серьезности.

113. Стороны согласны с тем, что вопрос, касающийся публикации фотографии заявителя в газетной статье, подлежал регулированию на

национальном уровне в соответствии со статьей 152.1 Гражданского кодекса, и Суд согласен со сторонами в этом (см. пункт 45 выше). Суд отмечает, что национальные суды оправдали публикацию фотографии, сославшись на исключение из установленного законом правила о необходимости получения согласия, заявив, что публикация фотографии служила общественным интересам. Суды заявили, что распространение фотографии может помочь в сборе дополнительной информации и найти очевидцев преступлений, являющихся предметом расследования (или очевидцев других преступлений). У Суда нет оснований сомневаться в том, что это было оправданной мерой ввиду характера и масштабов предполагаемой преступной деятельности.

114. Что касается содержания статьи, заявитель, по сути, утверждал, что тот вид, в котором он был изображен в статье, отрицательно сказался на его репутации и чести. Заявитель также утверждал, что во избежание неоправданного посягательства на его репутацию или честь, газета должна была проявить больше осторожности при представлении информации, полученной из официального источника. По состоянию на дату публикации, заявителю, который являлся осужденным, отбывающим срок тюремного заключения за другое преступление, еще не было предъявлено официальное обвинение в членстве в преступном сообществе (он был просто подозреваемым); более того, в то время он еще не предстал перед судом и не был осужден по этому обвинению.

115. Стороны согласны с тем, что оспариваемая статья касалась вопроса, представлявшего общественный интерес, а именно вопроса о ведущемся расследовании в отношении преступного сообщества; как указывалось в статье, в этом регионе это было первое столь масштабное расследование по такому обвинению. Стороны не оспаривают тот факт, что рассматриваемая статья способствовала «обсуждению вопроса, представлявшего общественный интерес». Как уже упоминалось выше, общественность, в принципе, заинтересована в том, чтобы быть информированной и иметь возможность получать информацию об уголовном процессе, строго соблюдая при этом презумпцию невиновности. Однако степень этой заинтересованности может изменяться в ходе разбирательства в зависимости от различных факторов, таких как степень известности данного лица, обстоятельства дела и любые дальнейшие события, возникающие в ходе разбирательства (см. упоминаемое выше постановление по делу «Ферлагсгруппе Ньюс ГмбХ против Австрии (№ 2)», пункт 42). В этой связи Суд заявил, что особенно на ранней стадии уголовного судопроизводства разглашение информации о личности подозреваемого может представлять особую проблему, и что национальные суды могут принимать меры для защиты его от «суда в средствах массовой информации» и соблюдения презумпции

невиновности (там же). Учитывая, что данная публикация способствовала обсуждению вопроса, представлявшего общественный интерес, в деле было мало возможностей для ограничений в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции (там же, пункт 43).

116. Европейский Суд также отмечает, что заявитель не являлся ни публичной фигурой, ни лицом, которое ранее пользовалось вниманием общественности. Однако вопрос о том, является ли лицо, чьи интересы были нарушены в результате освещения в средствах массовой информации, публичной фигурой, представляет собой лишь один из элементов, которые следует принимать во внимание (см. постановление Суда от 10 февраля 2009 года по делу «Ээрикейнен и другие против Финляндии» (*Eerikäinen and Others v. Finland*), жалоба № 3514/02, пункты 66-72, в котором рассматриваемая статья касалась обычного человека, но суд все же постановил, что присуждение компенсации за вред, причиненный публикацией ее имени и фотографии в рамках освещения вопроса, представлявшего общественный интерес, не является «необходимым» в значении пункта 2 статьи 10 Конвенции). Стороны не оспаривали методы, при помощи которых была получена информация. Информация была предоставлена государственным органом, и стороны не оспаривали законность этих действий. Что касается формы рассматриваемой статьи, то Суд отмечает, что использованный в ней язык не был ни оскорбительным, ни провокационным. Кроме того, заявитель не являлся центральной фигурой в статье; предмет статьи скорее касался других лиц, которые были недавно задержаны. Поэтому, Суд не может установить, что раскрытие личности истца было равносильно «судебному разбирательству в СМИ». Нельзя также сбрасывать со счетов тот факт, что оспариваемая статья имела некоторые последствия для его «личной жизни». Поскольку суть иска, касающегося покушения на его репутацию или честь, была основана на утверждениях о новом (то есть недавно выявленном) преступном поведении, можно признать, что тот факт, что заявитель отбывал срок тюремного заключения, имел некоторое отношение к этому вопросу, хоть и небольшое.

117. И действительно, похоже, что заявитель не поднимает какой-либо отдельный вопрос в отношении вышеуказанных соображений. По утверждению заявителя, основной вопрос касался достоверности содержащейся в статье информации. И, действительно, вопрос о том, является ли лицо членом банды, является «не просто основанием для предположений, а фактическим утверждением, которое может требовать соответствующих доказательств» (сравните с постановлением Суда от 18 февраля 2014 года по делу «Джалба против Румынии» (*Jalbă v. Romania*), жалоба № 43912/10, пункт 37). При таких обстоятельствах, несмотря на свободу усмотрения, предоставляемую внутригосударственным судам в отношении

квалификации высказывания как констатации факта или оценочного суждения, Суд считает, что эта фраза представляла собой констатацию факта (см. для сравнения, постановление Суда по делу «Шарзах и Ньюс Ферлагсгезельшафт против Австрии» (*Scharsach and News Verlagsgesellschaft v. Austria*), жалоба № 39394/98, пункт 41, ECHR 2003-XI).

118. Суд признает, что формулировка фразы, в которой заявитель рассматривался как «член банды», могла вызвать обеспокоенность, учитывая в частности тот факт, что его обвиняли в связанном преступлении. Тем не менее, Суд отмечает, что оспариваемому заявлению предшествовал параграф, в котором пояснялось, что недавно арестованные лица «обвинялись» (в обычном, а не в юридическом смысле) в совершении преступления, предусмотренного статьей 210 Уголовного кодекса. В статье также имелась вводная фраза, в которой говорилось, что данные лица «обвиняются» в руководстве преступным сообществом. В какой-то части статьи упоминалось, что задержанные являются подозреваемыми. Если рассматривать статью в целом, то можно понять, что в то время заявитель лишь подозревался в совершении преступления, связанного с членством в преступной банде и с ее предположительно незаконной деятельностью. Наконец, Европейский Суд согласен с внутригосударственными судами в том, что журналист добросовестно ссылаясь на официальный источник, поскольку статья была основана на официальной информации (см. прецедентное право, упомянутое в пункте 109 выше).

119. Таким образом, государство-ответчик не нарушило своего позитивного обязательства по статье 8 Конвенции в связи с публикацией фотографии заявителя (для сравнения см. упоминаемое выше постановление по делу «Эгеланн и Хансейд против Норвегии», пункты 56-65) и содержанием статьи.

120. Наконец, следует отметить, что заявитель не представил никаких дополнительных конкретных аргументов, предполагающих, что внутригосударственные суды, рассматривавшие его иск о защите чести и достоинства, не смогли должным образом соблюсти баланс между правом на свободу выражения мнения и правом на уважение его «лично жизни», принимая во внимание целый ряд соответствующих фактических и юридических элементов (в этой связи см. упоминаемое выше постановление Большой Палаты по делу «Бедат против Швейцарии», пункты 49-54). Он также не утверждал, что внутригосударственные суды не применили стандарты, которые соответствовали принципам, закрепленным в статьях 8 и 10 Конвенции, или не основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов (сравните с постановлением Суда от

26 января 2017 года по делу «Терентьев против России», жалоба № 25147/09, пункт 24).

121. Следовательно, в настоящем деле нарушения статьи 8 Конвенции в отношении Митянина допущено не было.

VII. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

122. Суд рассмотрел остальную часть жалобы, поданной первым заявителем в 2016 году на основании статьи 34 Конвенции. Однако, учитывая все имеющиеся в его распоряжении материалы и в той мере, в какой эти жалобы относятся к сфере его компетенции, Суд считает, что они не раскрывают признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции и в Протоколах к ней. Следовательно, в данной части жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

123. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

124. Первый заявитель требовал 42 500 евро: 15 000 евро и 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда в связи с нарушением пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции соответственно; 15 000 евро за нарушение пунктов 1 и 5 статьи 5 Конвенции в связи с его содержанием под стражей в начале 2004 года; и 7 500 евро в связи с нарушением статьи 8 Конвенции. Наконец, он требовал 20 000 евро в качестве компенсации потери заработка в соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 5.

125. Второй заявитель требовал 58 000 евро: 15 000 евро и 3 000 евро в качестве компенсации морального вреда в связи с нарушением пункта 3 статьи 5 и статьи 6 Конвенции соответственно; 35 000 евро и 5 000 евро в качестве компенсации за нарушение пунктов 1 и 5 статьи 5 Конвенции в связи с его содержанием под стражей в начале 2004 года. Наконец, он требовал 10 000 евро в качестве компенсации потери заработка в соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 5.

126. Власти не представили комментарии по данному вопросу.

127. Оставив в стороне вопрос о причинной связи между установленным нарушением пункта 3 статьи 5 в связи с требованием «особой тщательности» или пункта 1 статьи 5, и предполагаемым материальным ущербом, Суд отмечает, что заявители не обосновали свое требование; поэтому он отклоняет его. С другой стороны, он присуждает каждому заявителю по 12 700 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма.

Б. Расходы и издержки

128. Первый заявитель требовал 1 500 евро и 12 400 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств на внутригосударственном уровне и в Европейском Суде, соответственно; он также требовал возмещения почтовых расходов в размере 1 157 рублей. Второй заявитель требовал 10 600 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства в Европейском Суде. Оба заявителя также требовали сумму в размере 10% от «суммы, присужденной в соответствии со статьей 41 Конвенции, представляющую расходы на перевод замечаний на английский язык и в качестве надбавки за услуги представителя».

129. Власти не представили комментариев по данному вопросу.

130. Заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек, только если он доказал, что эти расходы были понесены в действительности, по необходимости и в разумном количестве. Кроме того, они компенсируются только в той мере, в какой они относятся к установленному нарушению (см., постановление Большой Палаты по делу «Мюррей против Нидерландов» (*Murray v. the Netherlands*), жалоба № 10511/10, пункт 134, ECHR 2016). Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и собственное прецедентное право, Суд отклоняет требование о возмещении судебных расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств во внутригосударственных судах. В той мере, в которой требования о возмещении расходов и издержек связаны с установленными им нарушениями (и с учетом признания Властями определенных нарушений и оказания Советом Европы обоим заявителям юридической помощи), Суд считает разумным присудить по 1 000 евро каждому заявителю, плюс любой налог, которым может облагаться каждый заявитель, в качестве возмещения всех расходов, понесенных в ходе разбирательства в Суде. Эта сумма в размере 2 000 евро должна быть выплачена непосредственно представителю заявителей А. Лаптеву по запросу.

В. Процентная ставка при просрочке платежа

131. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. *решил*, единогласно, объединить данные жалобы в одно производство;
2. *признал*, большинством голосов, жалобы на нарушение пункта 1 статьи 5 (в отношении начала 2004 года), пунктов 3, 4 и 5 статьи 5, пункта 1 статьи 6 и статьи 8 Конвенции приемлемыми, а остальную часть жалоб признал неприемлемой;
3. *постановил*, шестью голосами против одного, что в настоящем деле в отношении каждого заявителя было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
4. *постановил*, шестью голосами против одного, что в настоящем деле в отношении каждого заявителя было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
5. *постановил*, шестью голосами против одного, что в настоящем деле в отношении первого заявителя было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
6. *постановил*, шестью голосами против одного, что в настоящем деле в отношении каждого заявителя было допущено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции;
7. *постановил*, единогласно, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении каждого из двух разбирательств, возбужденных вторым заявителем;
8. *постановил*, шестью голосами против одного, что в настоящем деле в отношении первого заявителя не было допущено нарушения статьи 8 Конвенции;
9. *постановил*, шестью голосами против одного,

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить следующие суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:

(i) каждому заявителю — 12 700 (двенадцать тысяч семьсот) евро плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве возмещения морального вреда;

(ii) каждому заявителю — 1000 (одна тысяча) евро плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве возмещения расходов и издержек; общая сумма в размере 2 000 (две тысячи) евро должна быть выплачена непосредственно представителю заявителей в Суде А. Лаптеву;

(б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;

10. *отклонил*, единогласно, остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление в письменной форме направлено 7 мая 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Винсент Э. Де Гаэтано
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагаются особые мнения судей Гаэтано и Дедова.

В.Д.Г.
Й.С.П.

ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕ ГАЭТАНО

К сожалению, я не могу разделить мнение большинства в отношении пункта 8 резолютивной части постановления. На мой взгляд, в настоящем деле имело место нарушение статьи 8 в отношении заявителя Митянина.

Учитывая тот факт, что первый заявитель был обвинен в участии в «преступной банде» (что само по себе является уголовным преступлением), существовала тонкая грань между утверждением о том, что кого-то просто подозревают в совершении преступления, и прямым заявлением в отсутствие окончательного приговора, что лицо совершило предосудительное деяние, наказуемое согласно уголовному законодательству. В этом контексте от журналиста можно было ожидать как минимум проявления осторожности (в частности, в отношении способа представления информации, полученной из официального источника) при разъяснении того, что заявитель подозревается в членстве в преступной банде и в преступной деятельности, приписываемой членам этой банды в статье. Для рядового читателя было чрезвычайно трудно понять тонкости правового контекста. Несмотря на то, что в статье приводилась фактическая информация о расследовании, которая была в значительной степени правдивой, ее неправильный способ представления создал впечатление, что существует фактическое основание, подтверждающее мнение о том, что заявитель действительно был причастен к вменяемому ему преступлению.

Кроме того, внутригосударственные суды оправдали публикацию фотографии заявителя, сославшись на исключение из установленного законом правила о необходимости получения согласия, постановив, что распространение такой информации служило общественным интересам. Заявитель (который, следует повторить, не являлся ни публичной фигурой, ни лицом, пользующимся вниманием общественности) в период рассматриваемых событий находился под стражей; поэтому он не скрывался от правосудия. В ходе разбирательств на внутригосударственном уровне не утверждалось, что, например, демонстрация фотографии могла быть необходимой для привлечения общественной поддержки для определения его местонахождения. И действительно, упоминалось, что публикация статьи и фотографии могла помочь в сборе дополнительной информации, путем определения очевидцев. Похоже, что это совершенно ложный аргумент, поскольку в самой статье не содержалось никаких обращений к свидетелям.

В целом, на мой взгляд, в данном деле национальные суды не соблюли необходимый баланс между правом на свободу выражения

мнения, с одной стороны, и правом на уважение «личной жизни», с другой. Они не привели существенных и достаточных (и, следовательно, убедительных) оснований, не применили стандарты, которые соответствовали принципам, закрепленным в статьях 8 и 10 Конвенции, и не опирались в своих решениях на приемлемую оценку важных фактов. Поэтому я прихожу к выводу о том, что в отношении первого заявителя было допущено нарушение статьи 8.

Во избежание сомнений, я проголосовал вместе с большинством по девятому пункту (справедливая компенсация). Даже если бы большинство установило нарушение статьи 8, то сумма, присужденная в качестве компенсации морального вреда, на мой взгляд, была бы достаточной для компенсации всех нарушений в отношении первого заявителя.

ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Д. ДЕДОВА

К сожалению, я не могу согласиться с большинством в том, что жалобы на нарушение статьи 5 отвечают требованиям о соблюдении шестимесячного срока. Это пограничный случай, и следует высказать особое мнение с тем, чтобы описать другой возможный подход.

Отсутствие определенного срока и неопределенность

Заявители подали гражданский иск о компенсации морального вреда в связи с их незаконным предварительным заключением, которое длилось почти шесть лет после вынесения обвинительного приговора. Отсутствие во внутригосударственном законодательстве установленного срока (статьи 2018 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации) создает некоторую степень неопределенности, которая противоречит цели правила шести месяцев, которое заключается в обеспечении рассмотрения дел в течение разумного срока. Крайне важно не допустить, чтобы власти находились в ситуации неопределенности в течение длительных периодов (см. постановление Большой Палаты по делу «Мокану и другие против Румынии» (*Mocanu and Others v. Romania*), пункт 258, и постановление Большой Палаты по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии» (*Lopes de Sousa Fernandes v. Portugal*), пункт 129).

Суд уже рассматривал именно эту проблему в российском законодательстве в руководящем решении от 5 февраля 2013 года по делу «Норкин против России» (*Norkin v. Russia*), жалоба № 21056/11, в котором жалоба, поданная с опозданием после гражданского судопроизводства, была признана неприемлемой. Позже данный подход был подтвержден в различных решениях Комитета (см. решение Суда от 17 сентября 2013 года по делу «Жирко против России» (*Zhirko v. Russia*), жалоба № 8696/12; решение Суда от 17 сентября 2013 года по делу «Андрианов против России» (*Andrianov v. Russia*), жалоба № 14293/10; решение Суда от 17 сентября 2013 года по делу «Гаврилов против России» (*Gavrilov v. Russia*), жалоба № 9789/12), что, на мой взгляд, означает, что он является частью прочно сложившейся прецедентной практики Суда.

Позже, в деле «Шишков против России» (*Shishkov v. Russia*) (жалоба № 26746/05, 20 февраля 2014 года), Суд предложил более детальный подход в зависимости от доступа к юридической помощи и эффективности гражданского иска в суде:

«84. Принимая во внимание выводы Суда по поводу внутригосударственных средств правовой защиты, сделанные в постановлении по делу «Ананьев и другие против России» (см. пункты 100-119 выше), в соответствии с

рассматриваемым подходом при применении правила шести месяцев обращение в гражданский суд обычно не учитывается. Например, в недавно рассмотренном Судом деле «Норкин против России» (*Norkin v. Russia*) (решение Европейского Суда от 5 февраля 2013 года, жалоба № 21056/11) в 2010 году заявитель добился окончательного постановления суда о присуждении ему смехотворной компенсации за неприемлемые условия содержания под стражей, которые он был вынужден терпеть в следственном изоляторе в 2007 году. Суд счел, что к тому моменту у него возникла прочно сложившаяся прецедентная практика по вопросу об отсутствии эффективных средств правовой защиты в отношении жалоб на ненадлежащие условия содержания под стражей (см. постановления Европейского Суда по делам «Мамедова против России» (*Mamedova v. Russia*), жалоба № 7064/05, пункт 55, 1 июня 2006 года; «Андрей Фролов против России» (*Andrey Frolov v. Russia*), жалоба № 205/02, пункт 39, 29 марта 2007 года, и «Бенедиктов против России» (*Benediktov v. Russia*), жалоба № 106/02, пункт 20, 10 мая 2007 года). Суд пришел к выводу, что жалоба заявителя на ненадлежащие условия содержания под стражей должна была быть подана в течение шести месяцев с того дня, который следовал за днем его перевода из следственного изолятора. Заявитель должен был знать о неэффективности его обращения в суд задолго до подачи его жалобы в Европейский Суд.

85. Тем не менее, в постановлении по делу «Норкин против России» Суд также отметил, что в более ранних делах, касавшихся условий содержания под стражей и обращения во внутригосударственные суды до 2007 года, как в данном деле, мог быть оправданным другой подход. Более того, в то время в прецедентной практике Суда было только два примера, когда Суд отклонил возражение Властей Российской Федерации о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении условий содержания под стражей в следственных изоляторах как необоснованное (см. решение Европейского Суда от 18 сентября 2001 года по делу «Калашников против России» (*Kalashnikov v. Russia*), жалоба № 47095/99, и решение Европейского Суда от 9 декабря 2004 года по делу «Моисеев против России» (*Moiseyev v. Russia*), жалоба № 62936/00). В ряде дел, которые были возбуждены по жалобам, поданным в 2003 году, Суд рассчитывал шестимесячный срок со дня вынесения окончательного постановления по гражданскому иску о компенсации вреда в тех случаях, когда им не было установлено никаких признаков того, что заявителю, не имевшему возможности проконсультироваться с юристом, было известно или должно было стать известно о бесполезности предъявления такого иска (см., среди других прецедентов, постановления Европейского Суда по делам «Скоробогатых против России» (*Skorobogatykh v. Russia*), жалоба № 4871/03, пункты 32-34, 22 декабря 2009 года; «Роман Карасев против России» (*Roman Karasev v. Russia*), жалоба № 30251/03, пункты 41-42, 25 ноября 2010 года, и «Гладкий против России» (*Gladkiy v. Russia*), жалоба № 3242/03, пункт 63, 21 декабря 2010 года).

86. С учетом вышеизложенного и конкретных обстоятельств настоящего дела Суд признает, что заявитель, который не пользовался правовой помощью, в период с 2005 по 2006 год, мог обоснованно считать, что гражданский иск о возмещении вреда, причиненного условиями содержания в изоляторе временного содержания, имеет какие-то шансы на успех. Таким образом, Суд не считает целесообразным отклонять данную жалобу на этом основании как предъявленную с нарушением установленного срока».

Я сомневаюсь в том, что доступ к юридической помощи может служить предварительным условием для «разумного мнения» о том, что гражданский иск имеет шансы на успех. В любом случае, в настоящем деле заявители имели доступ к высококвалифицированному адвокату, который посоветовал им подать гражданский иск, чтобы создать основание для применения статьи 5 Конвенции. При этом они должны были знать о бесполезности таких исков, потому что ранее суды отклоняли их апелляции в рамках уголовного судопроизводства, так что внутригосударственные суды фактически не пришли к выводу о том, что содержание под стражей было незаконным.

Проблема эффективного средства правовой защиты

Эффективность гражданского иска является неотъемлемой частью проблемы. Согласно еще одному прецеденту, внутригосударственное средство правовой защиты, которое не имеет какого-либо точного срока и, следовательно, создает неопределенность, не может считаться эффективным (см. решение Суда от 3 августа 2006 года по делу «Уильямс против Соединенного Королевства» (*Williams v. United Kingdom*), жалоба № 32567/06, и постановление Суда от 9 января 2018 года по делу «Николас против Кипра» (*Nicholas v. Cyprus*), жалоба № 63246/10, пункты 38-39). Не существует никаких примеров, подтверждающих, что гражданское судопроизводство может привести к вынесению постановления о том, что содержание под стражей было незаконным. Это побудило Суд предположить, что такое средство правовой защиты является неэффективным (см. решение Суда от 6 февраля 2003 года по делу «Белчев против Болгарии» (*Belchev v. Bulgaria*), жалоба № 39270/98; решение Суда от 28 октября 2004 года по делу «Нахманович против России» (*Nakhmanovich v. Russia*), жалоба № 55669/00, и недавнее постановление Суда от 21 марта 2017 года по делу «Поровский против Польши» (*Porowski v. Poland*), жалоба № 34458/03, пункт 98). Эта презумпция может быть опровергнута, и иск о компенсации ущерба может считаться эффективным средством правовой защиты, которое подлежит исчерпанию, при условии, что его практичность будет убедительно доказана (см. решение Суда от 23 октября 2012 года по делу «Лавничак против Польши» (*Lawniczak v. Poland*), жалоба № 22857/07, пункт 41, и постановление Суда от 6 ноября 2008 года по делу «Гаврил Йосифов против Болгарии» (*Gavril Yosifov v. Bulgaria*), жалоба № 74012/01, пункт 42).

В делах «Маккоги и другие против Соединенного Королевства» (*McCaughey and Others v. the United Kingdom*) (жалоба № 43098/09, 17 июля 2013 года) и «Хемсворт против Соединенного Королевства» (*Hemsworth v. the United Kingdom*) (жалоба № 58559/09, 16 июля 2013

года) приводятся примеры влияния ведущегося гражданского судопроизводства и продолжающегося расследования на оценку Судом материальных и процессуальных жалоб, связанных с предполагаемыми незаконными убийствами, совершенными много лет назад. Суд решил не рассматривать довод заявителей относительно материального аспекта статьи 2 о том, что их близкие родственники были незаконно убиты. Он отметил, что гражданский иск находится на рассмотрении, и вопрос о законности смертей мог быть решен в ходе гражданского судопроизводства, равно как и установление существенных фактов. Эти примеры, будучи очень конкретными, на мой взгляд, неприменимы к настоящему делу. Однако должен применяться противоположный подход, который был принят Судом в делах «Изчи против Турции» (*Izci v. Turkey*) (жалоба № 42606/05, 23 июля 2013 года) и «Атан против Турции» (*Athan v. Turkey*) (жалоба № 36144/09, 3 сентября 2013 года). В обоих делах возражение Властей о том, что заявители могли подать иск о возмещении ущерба, было отклонено со ссылкой на прочно устоявшееся прецедентное право (см. постановление Суда от 18 сентября 2008 года по делу «Аталай против Турции» (*Atalay v. Turkey*), жалоба № 1249/03, пункт 29; постановление Суда от 10 апреля 2012 года по делу «Али Гюнеш против Турции» (*Ali Güneş v. Turkey*), жалоба № 9829/07, пункт 32, и постановление Суда от 20 марта 2012 года по делу «Пекаслан и другие против Турции» (*Pekaslan and Others v. Turkey*), жалобы №№ 4572/06 и 5684/06, пункт 47).

В пунктах 72 и 73 настоящего постановления большинство судей применили новый критерий оценки эффективности средства правовой защиты — рассмотрение жалобы по существу компетентным судебным органом. Большинство подчеркнуло, что заявители добились вынесения первого решения внутригосударственных судов (в рамках гражданского судопроизводства) о том, что указанное содержание под стражей было законным. Поэтому они пришли к выводу о том, что «не было никаких предположений, и не имеется никаких признаков того, что разбирательство не имело никаких шансов на успех или не могло обеспечить возмещение вреда».

Принять данный вывод нелегко. Основной целью гражданского иска является требование о возмещении морального вреда в соответствии с внутригосударственным законодательством. Он предполагает, что должно быть вынесено отдельное решение о незаконности содержания под стражей. Гражданский иск не может выступать в качестве апелляции, и, следовательно, судебный орган не может считаться компетентным для предоставления эффективного возмещения, и у иска не было шансов на успех.

Ситуация в рассматриваемом деле иная. В рамках уголовного судопроизводства заявители не обжаловали некоторые постановления

о заключении под стражу, и безуспешно обжаловали другие постановления о заключении под стражу. Поскольку заявители не оспаривали постановления о заключении под стражу в рамках уголовного процесса, гражданский иск мог быть отклонен гражданским судом на основании статьи 134 Гражданского процессуального кодекса, поскольку отдельное решение по этому вопросу уже было вынесено судом.

В противном случае гражданский суд может объявить иск неприемлемым из-за отсутствия какого-либо решения о признании содержания под стражей незаконным. Однако внутригосударственные правила гражданского судопроизводства недостаточно гибки для того, чтобы решить такие проблемы. Они нуждаются в наличии используемых Судом критериев (доктрин), таких как, небезосновательная жалоба или отсутствие шансов на успех (явно не обоснованная жалоба).

Трудно определить, является ли возникающая в настоящем деле проблема структурной или может ли она быть решена существующими специализированными механизмами, ориентированными на решение проблемы компенсации за незаконное содержание под стражей. В сложившихся обстоятельствах текущая ситуация во внутригосударственном законодательстве (см. пункты 52-54 постановления), включая позиции Верховного Суда Российской Федерации (Постановление № 50 от 17 ноября 2015 года и Постановление № 22 от 29 октября 2009 года) и Конституционного Суда Российской Федерации (Определение № 1049-О от 2 июля 2013 года и Определение № 149-ОО от 17 января 2012 года), неясна и не учитывает самый важный фактор избежания неопределенности для властей — неопределенности во времени.